

В. Н. ТЕЛИЯ

**РУССКАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ**

**Семантический, прагматический
и лингвокультурологический
аспекты**

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

В. Н. Телия

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1996

ББК 81
Т52

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 95-06-18646*

Телия В. Н.

Т52 Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.

ISBN 5-88766-047-3

Книга посвящена описанию единиц фразеологического состава языка — денотативному и коннотативным аспектам их значения — оценочному, образно мотивирующему, эмотивному и стилистическому, впервые рассматриваемым в когнитивной парадигме. Разработанная в книге модель значения фразеологизмов позволяет по-новому осветить их роль в языке как знаков-микротекстов. Особое внимание уделено лингвокультурологическому анализу культурно-национальной коннотации фразеологизмов — их способности служить эталонами и стереотипами обыденного менталитета русского народа и выполнять на этой основе роль культурных знаков.

Для лингвистов широкого профиля, филологов, культурологов.

ББК 81

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: helle_d@danadata.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-047-3

© В. Н. Телия, 1996

© А. Д. Кошелев. Серия

«Язык. Семиотика. Культура», 1996

© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Часть I. Фразеология как особая область языкознания	
<i>Глава первая.</i> Пути, пройденные фразеологией как особой лингвистической дисциплиной (аналитический обзор)	11
<i>Глава вторая.</i> Объем фразеологии и типы ее единиц	56
Часть II. Семантика и прагматика фразеологизмов-идиом	
<i>Глава первая.</i> Значение номинативных единиц языка и его когнитивные аспекты	84
<i>Глава вторая.</i> Макрокомпонентное представление номинативных единиц языка	103
<i>Глава третья.</i> Особенности знаковой функции фразеологизмов-идиом и их значения	131
<i>Глава четвертая.</i> Номинативно-идеографическая классификация идиом и особенности денотативного аспекта их значения.	154
<i>Глава пятая.</i> Типы субъективных аспектов значения идиом и их когнитивное содержание	176
Часть III. Культурно-национальная специфика единиц фразеологического состава языка	
<i>Глава первая.</i> Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак	214
<i>Глава вторая.</i> Русская фразеология в зеркале национального менталитета	238
Заключение	270
Библиография	272
Список сокращений	285
Summary	286

*Посвящается
светлой памяти моего учителя
Владимира Леонидовича Архангельского*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга выходит в знаменательный для отечественной фразеологии период: полвека назад акад. В.В. Виноградов написал ряд статей (1946; 1947; 1953), в которых обосновал основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины. В последующую четверть фразеология прошла интенсивный период своего классического развития, связанный с деятельностью целой плеяды ученых-фразеологов, причислявших себя к школе Виноградова. Основной задачей этой школы было выявление лексико-синтаксических отличий фразеологизмов от свободных сочетаний слов — с одной стороны, а с другой — отличие значений фразеологизмов как номинативных единиц языка от значения слова. На этой структурно-семантической основе и осуществлялись выделение и классификация единиц фразеологии — всех устойчиво воспроизводимых в «готовом» лексико-грамматическом составе сочетаний слов.

Объектом описания для бурно развивающейся фразеологии был не только русский язык, но и разноструктурные языки народов бывшего СССР, а также материал германских, романских и других языков. Описание фразеологического состава как системы языковых сущностей, обладающих специфической для них структурой и значением выдвинуло в начале 60-х отечественную фразеологию на лидирующие позиции в мировой лингвистике.

С середины 70-х — начала 80-х годов во фразеологии — несколько позже, чем в остальных областях лингвистики, — стал осознаваться кризис структурно-семантической парадигмы, поскольку системно-классификационный подход исчерпал себя. Наступило время оценки полученных результатов и поиска новой парадигмы.

Этот период связан с тенденцией рассмотреть материал фразеологии в его функционально-речевом употреблении, внедрить во фразеологию методы, описывающие лексическую и семантическую семантику в их взаимодействии в ходе организации высказывания и текста. Этот разворот проблематики фразеологии обусловил пристальное внимание

к компонентному составу значения ее единиц, особенно к тем из них, которые образуют прагматический аспект значения, а в этой связи — и к той роли, которую играет в нем их образное основание не только как исходное для значения фразеологических номинаций, но и как «основной нерв» их функционирования в речи.

Осознание необходимости описания фразеологизмов в их животворящем речевом употреблении и поиск методов их описания, способных моделировать эти процессы составляют суть этого «неклассического» периода развития фразеологии, связанного с существенной ревизией концепции Виноградова, поскольку в ней содержался прямой отказ от исследования проблем фразеологии применительно к речевой деятельности. Однако этот период не породил новых теоретических оснований для рассмотрения материала фразеологии и его знаковой природы, поскольку он еще связан своего рода кровными узами с учением В.В. Виноградова, ядром которого является установка на выявление структурно-семантических особенностей фразеологизмов, а не на специфичность их знаковых функций *sul generis*.

Думается, что наступило время подвести итоги этих двух периодов развития фразеологии как особой лингвистической дисциплины (чему и посвящена Часть первая книги) и наметить новые перспективы, которые открываются на пути исследования знаковой природы единиц фразеологического состава языка во всем многообразии их проявлений в живой речи.

Знаковую специфичность фразеологизмов-идиом (или «сращений» и «единств» — по терминологии В.В. Виноградова, которым и посвящена в основном данная монография, поскольку проблематика, связанная с исследованием фразеологических сочетаний достаточно подробно освещена в нашей работе [1981]), мы усматриваем в том, что они представляют собой микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте.

С нашей точки зрения, информация о так называемой объективной действительности, которая составляет содержание денотативного аспекта значения такого микротекста, формирует его «тему». К «реме» же относится весь кортеж коннотативных аспектов значения: информация об отношении потенциального для такого микротекста субъекта речи к этой обозначаемой «теме» — о его эмпатии, связанной с пресуппозициями дискурса, в который включается в ходе его организации фразеологизм; о рационально-оценочном отношении к самому обозна-

чаемому, сигнализирующему о ценностной ориентации субъекта речи; об эмоционально-оценочном (эмотивном) отношении, свидетельствующем о психологическом восприятии субъектом не столько самого обозначаемого, сколько его образного аналога; о культурно-национальной рефлексии субъекта, сознательно или «на уровне» бессознательного соотносящего образное содержание фразеологизма с эталонами и стереотипами культурно-национального мировидения и миропонимания; об осознании тех условий речи, в которых уместно или же неуместно использовать фразеологизм, в чем также существенную роль играет образ, явленный в «буквальном» прочтении фразеологизма.

Различию приведенных выше типов информации, соответствует и различие когнитивных процедур, осуществляемых в речи как говорящим, так и слушающим. Чтобы эксплицировать это различие в модельном представлении смыслового содержания фразеологизмов, в книге разработана макрокомпонентная модель, описывающая значение во всех указанных выше его аспектах.

Текстовая природа придает фразеологизмам-идиомам статус особых языковых знаков и объясняет их приспособленность к функции характеризующей предикации: они служат для указания на факторы субъекта — на интенции говорящего или слушающего, которые и являются «вершинными» для значения фразеологизмов, а фактор объекта обозначения обеспечивает идентификацию того, что является поводом для проявления этих интенций.

Именно эта природа фразеологизмов обуславливает необходимость их исследования в рамках зарождающейся в науках гуманитарного цикла антропологической парадигмы. В соответствии с этой парадигмой в центр внимания лингвистических штудий перемещается человеческий фактор в языке vs. языковой фактор в человеке. Фразеологический корпус языка — особенно благодатный материал для исследования этого взаимодействия, поскольку в нем концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры.

Фразеологический состав языка — это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание. Поэтому в книге особое внимание уделено культурно-национальной коннотации фразеологизмов и ее роли в воспроизведении обыденного менталитета. Описание свойств фразеологизмов-идиом как «языка культуры» подтверждает высказанную в гипотезе Сепира-Уорфа

мысль о том, что язык (по крайней мере, по нашему мнению, — его фразеологический состав. — В.Т.) «навязывает» его носителям культурно-национальное миропонимание. Этой теме посвящена в монографии Часть третья.

Предлагаемая читателю концепция фразеологии — это плод многолетних размышлений автора над проблемами, теоретическое пространство которых и их практическая проверка расширились и углубились благодаря двум фактам: участием в создании Фразеологического подфонда Машинного фонда русского языка в разработке для него Макета словарной статьи, способной отразить все типы информации, несомые фразеологизмами, — с одной стороны, а с другой — осознанием того, что вывести фразеологию из стагнации сможет только расконсервация ее методов, согласованность их методологических оснований с установками антропологической парадигмы лингвистики, интенсивно развивающейся в последние десятилетия под эгидой когнитологии.

Изложенная концепция нашла свое внедрение в выпущенном под научной редакцией автора идеографическом «Словаре образных выражений русского языка», созданном вместе с группой коллег-единомышленников. И предлагаемая читателю книга в целом имеет своего рода коллегиальный характер: основные ее положения постоянно обсуждались на семинарах Проблемной группы по общей фразеологии и компьютерной фразеологии Института языкознания РАН. Особую благодарность в этой связи хочется выразить Н.Г. Брагиной, Д.О. Добровольскому, В.И. Зимину, М.Л. Ковшовой, И.Г. Носенко, И.И. Сандомирской, Е.О. Опариной, Е. А. Рысовой, а также В.Г. Гаку, Е.Л. Гинзбургу и С. Лубенски (США), в беседах с которыми уточнялась концепция книги. Автор бесконечно благодарен и сотрудникам по Лаборатории теоретического языкознания Института языкознания РАН за то высокопрофессиональное общение, в ходе которого вызревали основные идеи, воплощенные в плоть авторской концепции. И наконец, автор выражает искреннюю благодарность рецензентам данной монографии — Т.З. Черданцевой и В.З. Демьянкову, прочитавших книгу в рукописи и сделавших ряд ценных для нас замечаний.

ЧАСТЬ I

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОСОБАЯ ОБЛАСТЬ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПУТИ, ПРОЙДЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЕЙ КАК ОСОБОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНОЙ (АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

О фразеологии — ее предмете и проблемах написано уже так много и с разных позиций не только у нас, но и за рубежом, о чем свидетельствует библиография к данной книге, что очередной обзор был бы «повторением пройденного», особенно в изложении перепитий того классического периода в ее развитии, которым с полным правом может гордиться прежде всего отечественная наука. И все же пройдено так много путей. Одни достигли цели, другие же зашли в тупик. Но есть еще и «нехоженые тропы». На этих трех ситуациях, а не исчислении заслуг или заблуждений тех или иных фразеологов мы и остановимся в данном разделе, играющем роль не историографического, а теоретического введения к предлагаемой читателю книге. Такая постановка задачи позволит, как представляется, касаться постановки наиболее общих проблем и методологических оснований их решения, а не поступательного развития фразеологии.

Естественно, что фразеология возникла в России не на пустом месте. В трудах А.А. Шахматова, Ф.Ф. Фортунатова, И.И. Срезневского, М.М. Покровского, А.А. Потемни, а уже в советский период — С.И. Абакумова, Л.А. Булаховского, а также Е.Д. Поливанова и Б.А. Ларина уже содержались наблюдения над теми или иными семантическими или грамматическими особенностями устойчивых сочетаний слов, высказывались мысли о природе этой устойчивости и воспроизводимости.

Классический же период фразеологии, о котором речь пойдет ниже, «имел одну, но пламенную страсть» — выделить объект фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины и соответственно — отграничить ее единицы как от слов, так и сочетаний слов. В этом и полагалась основная задача.

Исторически так случилось, что эта задача выполнялась в русле идей структурализма. Поэтому проблема тождества и различия и все нюансы этой контрарезы применительно к единицам фразеологичес-

кого состава языка оказались центральными для фразеологии, бурное развитие которой приходится на конец 40-х — середину 60-х годов XX века. В этой связи уместно указать на тот почти полувековой разрыв, который существует между известной книгой Ш. Балли «Французская стилистика», где впервые в явной форме были сформулированы признаки устойчивых сочетаний слов и основания их классификации [1909, (русский пер. — 1961)], и первыми работами акад. В.В. Виноградова, посвященными выделению типов фразеологических единиц [1946; 1947]. И как это ни странно — в этот период на Западе так и не сложилось фразеологической школы. В советском же языкознании идеи В.В. Виноградова сразу же нашли ярких последователей, благодаря трудам которых (на материале русского, английского, немецкого, французского языков и языков народов СССР) фразеология к середине 60-х годов обрела достаточно четкие контуры именно как самостоятельная лингвистическая дисциплина.

К этому времени уже высказаны те идеи, которые связывают с плеядой последователей В.В. Виноградова, представленной общезнаменитыми концепциями таких выдающихся ученых-фразеологов, как В.Л. Архангельский, В.П. Жуков, А.В. Кунин, А.Г. Назарян, Р.Н. Попов, Л.И. Ройзензон, А.И. Смирницкий, И.И. Чернышева, Н.М. Шанский и другие; вышел в свет программный сборник «Проблемы фразеологии» [1964], а в 1967 г. опубликован «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова.

Плодотворность этого классического для фразеологии периода велика и несомненна. Однако уже в упомянутых авторских концепциях стали обнаруживаться расхождения во мнениях относительно типологии фразеологизмов, ее объема, а следовательно — и методов исследования, хотя они не выходили за рамки структурно-таксономической идеологии. Этим расхождениям во многом способствовала и сама проблематичность выдвинутых В.В. Виноградовым постулатов, многие из которых не укладывались в указанную доктрину.

Одно из них — это отношение к мотивированности, т.е. к роли в значении фразеологизмов образного содержания. Так, стремясь на основе строго «значимостного» критерия отграничить полностью переосмысленные устойчивые сочетания слов (которые у Ш. Балли в связи с европейской традицией названы идиомами) от сочетаний слов, свободно образующихся в момент организации речи, В.В. Виноградов использовал тот же критерий «невыводимости» значения целого из значений составляющих сочетание слов в их «обычном» значении, но при этом придавал феномену мотивированности какую-то особую роль, что на-

шло отражение в разграничении им «фразеологических сращений» и «единств» [1946; 1947а; 1947б; 1951].

Однако в тот классический период, о котором идет речь, доминировало соизмерение устойчивых и идиоматичных сочетаний слов с их свободными (или гипотетически возможными) аналогами. Даже в постклассический период значение сочетания слов, а не образ самой ситуации, являющийся такой же «принадлежностью» этих знаков, как и их собственное значение, остается своего рода методической «меркой» семантической точкой отсчета, с позиций которой описывается значение фразеологизмов. Примером такого «соизмерительного» подхода к семантике фразеологизмов могут служить метод идентификации, разработанный еще Ш. Балли и перенесенный на почву отечественной фразеологии А.В. Куниным, метод аппликации, т.е. наложения значения свободного сочетания слов как такового на значение сочетания, обладающего свойством идиоматичности и устойчивости (см. [Жуков 1978]).

Можно сказать, что именно эта идея — соизмерение фразеологизма со свободным сочетанием слов и выведение из этого различий в них и дали тот реестр признаков фразеологических единиц, который содержит до четырнадцати позиций (см. [Архангельский В.Л. 1964]). Основное новшество, которое было введено в рамках школы В.В. Виноградова, — это принцип системного описания вариантности, полисемии, синонимии, антонимии и омонимии, а также стремление описать фразеологизмы по частеречным классам, несмотря на сопротивление материала. Эта проблематика разрабатывается и по сей день, (см. например, работы Молоткова, Чепасовой и др.), хотя фразеологизмам тесно в «прокрустовом ложе» категории частей речи.

Другим из наиболее оригинальных и интересных с общелингвистической точки зрения постулатов концепции фразеологии В.В. Виноградова — до сих пор еще не оцененного в должной мере ни у нас, ни тем более в зарубежной лингвистике — было введение категории связи *н о с т и з н а ч е н и я* для тех случаев, когда один из компонентов сочетаний сохраняет свое «свободное» значение, т.е. значение, реализация которого не зависит от лексического контекста, а другой — получает значение «несвободное», реализация которого всегда «связана» с определенным словом (или рядом слов), сохраняющим свое свободное значение, как в случаях типа *зло, отчаяние, страх, ужас, смех берет*, но не говорят *уныние, испуг, радость берет*, хотя слова *отчаяние и уныние, страх и испуг, смех и радость* близки по значению. Ср. также: *раб страстей, моды, любви*, но **раб пристрастий, ненависти* и т.п., *щекотливое обстоятельство, положение*, но *щекотливая

ситуация и т.п. (и в дальнейшем для обозначения ограничений в сочетаемости будет использоваться знак «астериск»). Особенность этих фразеологических сочетаний (по терминологии В.В. Виноградова) состоит, как считает автор, в том, что реализуемые в них связанные «лексические значения могут проявляться лишь в связи со строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений. При этом для такого ограничения как будто нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений» [1947б, 26] (см. также [1946; 1947а]).

Для того, чтобы оценить новаторство этой части фразеологической концепции В.В. Виноградова по сравнению с концепцией Ш. Балли, уместно напомнить, что последний считал основным критерием для выделения фразеологических групп, или «обычных сочетаний» (которые соответствуют в терминологии В.В. Виноградова фразеологические сочетания), не что иное, как обычай, который «предписывает употребление одних слов и отвергает другие», о чем могут свидетельствовать примеры, приведенные Ш. Балли: *désirer ardemment* 'страстно желать' и *aimer éperdument* 'страстно любить' с замечанием о том, что наречия в этих словосочетаниях невзаимозаменяемы [1961, 92]. Ш. Балли также пишет о связанности семантически реализуемого значения, но скорее метафорически: «Когда абстрактное существительное, прилагательное или глагол, сохраняя свою независимость, кажутся с в я з а н н ы м и в с и л у о б ы ч а я с другим словом, обозначающим качество, роль этого слова нередко сводится к тому, что оно усиливает основное значение существительного, прилагательного или глагола, не добавляя никакого нового оттенка, не ограничивая и не уточняя исходное понятие» [93] (разр. наша — В.Т.)

Главным же критерием для выделения фразеологических групп различных типов — глагольных, атрибутивных и именных остается «впечатление чего-то виденного, знакомого, привычного» [92], т.е. их обычность или, говоря иными словами, — у з у с у п о т р е б л е н и я.

Как уже отмечалось выше, В.В. Виноградов не только ввел в научный обиход понятие фразеологически связанного значения как особого типа лексического значения, но и определил его статус как моносемного слова, так и в структуре многозначного слова. В работе «Основные типы лексических значений» он писал: «... многие слова или отдельные значения многих слов, преимущественно переносного или синонимического характера, ограничены в своих связях. Эти значения могут появляться лишь в сочетании со строго определенными словами, т.е. в узкой сфере семантических отношений. Вокруг многозначного слова группируется несколько фразеологических серий. Б о л ь ш а я ч а с т ь

значений слов фразеологически связаны. Иметь разные значения для слова чаще всего значит входить в разные виды семантически ограниченных фразеологических связей» [1953, 176] (разр. наша — В.Т.).

Таким образом здесь постановка проблемы фразеологических сочетаний увязана и с системой лексических значений и с их полисемией, само богатство которой во многом обусловлено наличием фразеологически связанных значений, что обязывает последовательно описывать такие значения в структуре многозначного слова. И в этом — одна из капитальных для лексикологии теоретических установок, прежде лишь спонтанно выполнявшихся в лексикографии, а после выхода работ В.В. Виноградова ставших основой для выделения лексико-семантических вариантов слова (см. [19476; Ахманова 1957; Уфимцева 1962]). И не случайно У. Вейнрейх усмотрел в этом одно из несомненных достижений советской лексикологии [Weinreich 1966].

Второе из не менее важных последствий выделения фразеологически связанного значения в отдельный тип лексического значения — привлечение внимания к характеру семантических отношений между их компонентами.

Особую важность, с нашей точки зрения, представляет и мысль В.В. Виноградова о том, что «фразеологически связанное значение (как особый тип значения — В.Т.) лишено глубокого и устойчивого понятийного центра. Общее предметно-логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении. Оно не вытекает ни из функции составляющих слово значимых частей (если это слово производное), ни из отношений этого слова к реальной действительности. Значение этого рода — “рассеянное”: оно склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями» [1953, 176—177] (разр. наша — В.Т.). Эта типологически существенная особенность связанного значения была показана автором на ряде примеров: (глагол *отрасти* обычно применяется к узкому кругу объектов — к волосам, усам, бороде, ногтям, поэтому в его толкование должны быть введены сведения об ограничении на выбор именно этих объектов, тогда и «величина» роста будет корректироваться знанием о размерах этих объектов (в настоящее время в таких случаях принято говорить о когнитивном прочтении значения, т.е. об отражении в значении знания о свойствах объекта); прилагательное *чреватый*, вышедшее из его «первичного» значения, которое включалось в синонимический ряд *брюхатый, беременный, пузатый*, развивает «рассеянное», или диффузное, значение ‘способный вызвать, породить какие-либо последствия, события’,

«реализуемое в сочетании с формой творительного падежа ограниченной группы отвлеченных существительных (чаще всего последствиями)» [1953, 177], Из этого следует, что диффузность непосредственно сопряжена с семантикой этих отвлеченных существительных; у глагола *впасть*, прямое номинативное значение которого устарело и вышло из употребления, выделены два связанных значения — ‘стать впалым’ (о щеках, глазах/очах, реже — рте, губах, висках, груди, боках) и конструктивно обусловленное — полувспомогательное: ‘начать испытывать какое-нибудь состояние (тягостное, предосудительное)’ или ‘проявить признаки чего-нибудь (расцениваемого отрицательно)’: *впасть в бешенство, в отчаяние, в сомнение... в ересь, в противоречие, в пошлый тон* и т.п. [1958, 178], из чего так же, как и из предшествующего примера, видно, что как первое, так и второе из значений глагола *впасть* зависит от значений этих конкретных существительных либо от существительных, обозначающих чувства или ментальные состояния.

Постулат о том, что фразеологически связанное значение как особый тип значения лексического, действительно лишено «глубокого и устойчивого понятийного центра», что характерно для слов в их свободных значениях, наряду с утверждением о том, что значение «склонно дробиться на ряд оттенков, связанными с отдельными фразеологическими сочетаниями» предоставляет возможность двух решений.

Одно из них — это попытки все-таки описать такое значение в его оттенках, полагаясь на данные его исторического развития, как это делал сам В.В. Виноградов, вписав его в синхронную систему значений — моносемных или полисемных. При таком решении связанное значение рассматривается как своего рода «организующий» элемент фразеологического сочетания о чем свидетельствует высказывание самого В.В. Виноградова: «Количество фраз, группирующихся вокруг того или иного связанного значения слова и образующих своеобразную замкнутую фразеологическую серию, может быть очень различно — в зависимости от семантических потенций, от вещественно-смысловой рельефности этого значения, от характера его выделяемости» [1953, 181]. В этом случае мотив переосмысления слова выводится только из его «былого употребления» и отходит к историческим сведениям, а выделение связанного значения осуществляется на базе фразеологических серий.

По этому пути и пошла школа Виноградова. Так, из того, что слово типа *впасть* организует серию *впасть в бешенство, отчаяние, в сомнение* и т.п., делается вывод о наличии у него связанного значения, а объяснение ограничений в выборе тех или иных из возможных отвлеченных существительных должно основываться только на данных ис-

торического порядка, но не собственно семантического, так как здесь существенны только «внутренние, семантические отношения самой языковой системы» [1947а, 26]. А раз так, то естественно и признание в том, что «в выделении и определении фразеологически связанных значений слов особенно легко ошибиться, так как их применение не дает достаточных средств для проверки их значения» [1953, 180]. Действительно, если опираться только на способность связанного значения входить в фразеологическую серию как исторически сложившийся круг употреблений слова, то средства проверки могут быть найдены только в историческом «срезе», а это нарушает принцип синхронности.

Заметим, что В.В. Виноградов не отступал от структуралистской идеологии, хотя в его же работах неоднократно высказывались и мысли, которые входили в противоречие с этой идеологией. Например, он обращал внимание как в своих ранних работах, так и в работе об основных типах лексических значений на то, что «далеко не все значения слов в живой функционирующей лексической системе непосредственно направлены на окружающую действительность и непосредственно ее отражают» [175], следовательно — они лишены прямой номинативной функции.

Как ни странно, но В.В. Виноградов не предпринял попытки определить категорию связанности значения в русле теории номинации, что потребовало бы при определении этой категории исходить из семантики тех слов, которые и исторически обусловили формирование связанного значения у семантически зависимого слова, опосредуя его соотношенность с миром. Этот переход значения в новую категорию рассматривался автором в собственно исторической ретроспективе, а не с точки зрения живых номинативных процессов.

Итак, в разделении мотива переосмысления и формирования связанного значения как фактора сугубо исторического и «понятийного ядра» как данности системно-значимостной, т.е. строго синхронной, мы усматриваем одно из тех противоречий концепции связанного значения В.В. Виноградова, которое не могло не сказаться на принципах и путях его исследования и описания: с одной стороны, оно выделено на основе былых употреблений, т.е. явно номинативных процессов, а с другой — это значение было отдано на откуп узусу употребления и его предлагалось описывать исходя из образующих им серий, что и стало предметом последующих штудий, посвященных связанному значению как конституирующему элементу фразеологических сочетаний.

Следует отметить еще одно противоречие, характерное для школы Виноградова: фразеологические сочетания были выделены здесь в особый

тип фразеологизмов, но само связанное значение было причислено к особому типу значения лексического и его предлагалось рассматривать в единой лексико-семантической системе языка, о чем свидетельствуют многочисленные высказывания В.В. Виноградова. К примеру: «...далеко не все значения слов в живой функционирующей лексической системе непосредственно направлены на окружающую действительность и непосредственно ее отражают. Многие значения слов замкнуты в строго определенные фразеологические контексты и используются для обмена мыслями в соответствии с исторически установившимися фразеологическими условиями их употребления» [1953, 175]. Здесь недвусмысленно указано на то, что связанное значение принадлежит лексической системе, а его особенность заключена в условиях употребления во фразеологических связях. Тем самым устанавливалась принадлежность связанных значений к лексическому значению, а на долю фразеологии приходилось описание их фразеологических контекстов.

Однако эта установка нашла весьма своеобразное развитие. Часть фразеологов вообще отказалась как от изучения связанного значения, так и от включения в объем фразеологии его фразеологических контекстов и занялась описанием только ее «ядра» — фразеологизмов-идиом (см., например: [Кунин 1970; Молотков 1977; Жуков 1978]). Другая же часть, включая фразеологические сочетания в объем фразеологии, рассматривала здесь связанное значение исключительно как «фразеологический» компонент сочетаний, не придавая должного внимания значению «свободных» компонентов и их номинативной роли [Шанский 1963; Архангельский 1964; Чернышева 1970 и др.]. Этот подход прослеживается даже в таких исследованиях, которые описывали фразеологическую сочетаемость, исходя из серий связанных значений, а не из того слова, которое во фразеологических сочетаниях играет роль «семантически ключевого», определяя связанное значение только как параметрическое [Жолковский, Мельчук 1966; Апресян 1974]. И это осталось характерной тенденцией описания фразеологических сочетаний и для постклассического периода развития фразеологии (см., например: [Гвоздарев 1973]).

Небезынтересно отметить, что в итоге связанное значение как особый тип лексического значения оказалось вне поля зрения как лексикологов, поскольку они относили его к компетенции фразеологии, так и фразеологов, так как последние, как уже отмечалось, вообще не включали его фразеологические контексты в предмет своего исследования либо рассматривали его только как узуально конституирующий компонент фразеологических сочетаний.

Обращение к контент анализу фразеологической концепции В.В. Виноградова показывает, что сам автор не нарушал ее внутренней логики — скорее у него было стремление слишком последовательно разграничить синхронный срез системных связей слов и историческую ее ретроспективу, полагая последнюю необходимой для раскрытия внутриязыковых семантических закономерностей формирования связанного значения, но не играющей роли в его современном употреблении. И с этим нельзя не согласиться. Однако странное и непостижимое невнимание к номинативному аспекту фразеологических сочетаний привело к одностороннему (в прямом смысле) рассмотрению связанного значения как фразеологически маркированного компонента, в то время как это значение потому и связано, что способно обозначить признак того наименования, которое является опорным для сочетания в целом и которое выступает в своем свободном значении. Но для описания фразеологических сочетаний в таком режиме необходимо обращение к номинативному аспекту фразеобразования, чуждому для В.В. Виноградова и его школы, руководствующейся идеей соизмерения фразеологизмов и переменных сочетаний слов на всех уровнях проявления их тождеств и различий, относительно которых и выводится признак воспроизводимости «в готовом виде» в той или иной степени устойчивости.

Идее такого соизмерения по существу следовали и те лингвисты, работы которых трудно отнести к классической парадигме школы В.В. Виноградова так как они стремились применить к описанию единиц фразеологии дескриптивные методы.

Прежде всего необходимо упомянуть одну из ранних работ по фразеологии И.А. Мельчука, посвященную проблеме устойчивости и идиоматичности сочетаний слов [Мельчук 1960], в которой предпринята попытка найти формальные критерии этих признаков.

Под устойчивостью автор понимает предсказуемость появления элементов сочетания в определенном порядке относительно одного из них [73]. Например, устойчивость сочетания *бить баклуши* относительно элемента *баклуши* равна 100%, а относительно элемента *бить* — нулю. Этот подход к проблеме устойчивости оказался безусловно плодотворным для поиска такого рода фразеологизмов в компьютерных системах перевода или хранения, в которых стало возможным вести поиск и по нескольким элементам (например, в *выносить сор из избы* комбинация *выносить сор* с достаточной степенью предсказуемости «наводит» на элемент *сор* и т.п.).

В этом определении нельзя не усмотреть влияния идей чисто дескриптивного подхода к описанию языковой комбинаторики — со всеми вытекающими отсюда «технологическими» преимуществами и

теоретическими недостатками. К последним можно отнести, то, например, что сама устойчивость может быть связана не с лексическими факторами, а являться следствием семантического преобразования (как, например, в идиомах типа *выносить сор из избы, перегнуть палку*, и т.п.). Но сама попытка использовать критерий предсказуемости нашла развитие и в критерии «ограничения в выборе переменных» (принадлежащем Л. Ельмслеву), который был взят на вооружение в концепциях В.Л. Архангельского и А.В. Кунина, распространивших его на все «уровневые» элементы структуры фразеологизмов.

Релятивизированным к переводу оказался критерий идиоматичности, сформулированный И.А. Мельчуком в этой работе: «Сочетание является идиоматичным, если и только если в него входит хотя бы одно такое слово, которому при переводе сочетания в целом пришлось бы приписать переводной эквивалент, возможный для данного слова только при появлении этого слова одновременно со всеми остальными элементами сочетания (в определенном порядке), причем данное слово может встречаться без остальных элементов и имеет тогда другой перевод» [75]. Мы позволили себе привести это определение целиком по нескольким мотивам. Первый — ради красоты самого определения и его четкости. Второй — ради того, чтобы показать, что и в нем использован принцип «внутриязыковой» идентификации Ш. Балли, в то время как значение фразеологизма в любой его разновидности не сводимо, а потому и не выводимо из значения слов-компонентов. Третий — в этом определении в неявной форме указана зависимость от «источника» идентификации — от словаря, по которому определяется единица перевода. В явной форме это было сформулировано И. Бар-Хиллелом (сноска на работу которого содержится в статье И.А. Мельчука): если говорящий «тонко» владеет языком, то он не сочтет идиоматичными сочетания типа *душа/сердце болит, в глубине души, держать под каблучком* и под., так как для него компоненты *болит, в глубине, держать* не требуют единичного перевода.

И тем не менее это определение идиоматичности и по сей день позволяет формализовать интуицию говорящего (тем более — лингвиста), благодаря тому, что оно по своей сути фокусирует ту «протяженность» сочетаний, которая является образным ядром фразеологизма. Это особенно важно для словарной практики — для отграничения собственно идиом и слов-сопроводителей, в которой нередко еще наблюдаются колебания: в вокабулу здесь может выводиться не только собственно идиома, но и ее «внешнее окружение». Ср., например, описание как целостной идиомы *держат в уме/в голове* [ФСРЯ, 136] и *держат в мыслях/в голове/в памяти* [РБФС, 349], хотя если следовать крите-